

**СТАРЫЕ ЦЕРКВИ,
НОВЫЕ ВЕРУЮЩИЕ**

**Религия в массовом сознании
постсоветской России**

Под редакцией
проф. Киммо КААРИАЙНЕНА
и проф. Дмитрия ФУРМАНА

ЛЕТНИЙ САД

Москва • Санкт-Петербург • 2001)

Киммо КААРИАЙНЕН
Дмитрий ФУРМАН

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В РОССИИ В 90-е ГОДЫ¹

Эволюцию отношения к религии в России в течение последних веков авторы данного раздела представляют в виде своего рода движения маятника. Начальная точка этого движения — это тотальная средневековая православная религиозность. Уже со времен Петра I и возникновения в XVIII веке разных форм масонского и вольтеррианского свободомыслия эта тотальная религиозность стала медленно размываться и отступать. В XIX веке появляются первые сознательные атеисты — Писарев, Чернышевский, Добролюбов, Бакунин. В кругах интеллигенции распространяются разного рода материалистические и позитивистские философии. В 60-е годы среди молодых «нигилистов» становятся популярны разные естественнонаучные опыты, «наглядно доказывающие», что нет ни Бога, ни бессмертной души. В конце века распространяются мощные целостные антирелигиозные и одновременно — квазирелигиозные философские системы, выдвига-

ющие свои планы достижения идеального общества, земного счастья, прежде всего различные варианты марксизма.

До поры до времени, однако, официальная церковь и российское самодержавие могли утешать себя тем, что безбожие — явление специфически интеллигентское, а простой народ все равно глубоко религиозен и православен. «Момент истины» наступает с революциями 1905 и 1917 годов, показавшими, до какой степени российский «православный монолит» был подточен изнутри.

Революция 1917 года явилась триумфом атеистической марксистско-ленинской идеологии, приступившей к систематическому и планомерному уничтожению старой религии — православия. В ходе революции и затем в ходе коллективизации и «социалистического преобразования деревни» тысячи церквей были разрушены (с тех пор до начала 90-х годов разрушенная церковь становится органической принадлежностью российского деревенского пейзажа) и тысячи священников — убиты. В 30-е годы могло казаться, что дело идет к тому, что скоро в СССР вообще не останется ни церковной организации, ни верующих.

Однако постепенно «мессианский» дух новой марксистской религии и ее преследование старой стали ослабевать. В борьбе с фашистской Германией Сталин уже опирался не столько на идеи ленинизма, сколько на традиционные русские ценности, на русскую историческую память и национальное самосознание и даже, как на одно из их составляющих, на православие. Хрущев возобновляет атеистическое наступление на религию, но вместе с тем эпоха Хрущева — начало либерализации советского режима, и кровавых репрессий при нем нет. Вместе с ослаблением атеистического гонения появляются и первые признаки того, что «маятник» массового сознания начал движение в обратном направлении — снова к религии.

Как и при первом ходе «Маятника», первые заметные признаки его обратного движения — обращения в «противоположную официальную» веру отдельных представителей интеллигенции — А. Синявского, А. Солженицына, С. Аверинцева и других «функциональных эквивалентов» Чернышевского и Добролюбова при первом движении. В интеллигентских кругах в 70—80-е годы проявлять интерес и уважение к религии (или даже просто религиозность) стало так же модно, как в 60-е годы прошлого века были модны естественнонаучные опыты и материалистические философы.

Религиозность в России в 90-е годы

Что происходит в этот период в массовом, народном сознании? Восстановить реальную картину массового сознания советской эпохи крайне сложно. Опросам доверять нельзя — и не только потому, что социологи опасались получить такие результаты, какие не понравились бы начальству, но и потому, что ответы респондентов в громадной мере были обусловлены конформизмом и глубоко укоренившимися страхами или просто были бездумным механическим повторением принятых стереотипов (не исключено, что если бы перед революцией 1917 года в России был проведен опрос об отношении к религии, более 90% заявили бы, что они верующие и православные).

Официальные опросы показывают почти полное исчезновение православной веры. Например, в Воронежской области с 1979 по 1981 годы было проведено обширное исследование, которое охватывало более 20000 информантов и на которое часто ссылались советские исследователи в области «научного атеизма». Выявленный им процент лиц, верующих в Бога, в разных возрастных группах был следующим: 18—25 лет — 1,7%, 26—30 лет — 1,4%, 31—34 года — 2,7%, 41—50 лет — 4,8%, 51—60 лет — 10%, 61—70 лет — 22,1%, 71—80 лет — 35,3%, старше 80 лет — 40,2%².

Наши опросы, однако, поскольку они позволяют заглянуть в массовое сознание недавнего российского прошлого, дают совершенно иную картину. Вот как в 1999 году наши респонденты оценивали религиозность своих родителей (см. таблицу 1.1).

Мы видим картину, совершенно не похожую на картину воронежского опроса. Получается, что атеистов в советские годы, в которые жили подавляющее большинство родителей опрошенных, было явное и даже незначительное меньшинство, а верующих — на порядок больше, чем это демонстрируют опросы советской эпохи.

Разумеется, доверять теперешним ответам надо с почти такой же осторожностью, что и ответам в советских опросах. Во-первых, респонденты могут иметь в виду мировоззрение родителей уже после революции 1991—1993 гг., когда произошел массовый исход из «атеистов» (во всяком случае, молодые респонденты, чьи родители до этой революции дожили). Во-вторых, поскольку религия сейчас снова «в чести», люди могут в соответствии с новыми представлениями о «должном» и «приличном» представлять и изображать своих родителей более религиозными, чем они были на самом деле. Какие-то мельчайшие и поверхностные проявления религиозности родителей при этом могут превращаться в сознании их детей в «веру». Однако все же эти

Таблица 1.1

Оценка опрошенными отношения к религии их родителей (1999)

		18-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60 лет и старше	Все опрошенные
Мать	Верующая	39	45	48	56	68	51
	Атеистка	3	5	2	3	3	3
Отец	Верующий	17	16	20	22	43	24
	Атеист	10	12	10	9	6	10
Бабушка	Верующая	66	60	61	63	65	63
	Атеистка	2	1	3	0	0	1
Дедушка	Верующий	31	30	36	41	52	38
	Атеист	5	3	5	2	1	3

данные свидетельствуют о том, что атеистический марксизм-ленинизм не смог стать такой же «общенародной» верой, какой в средние века было православие. При первом своем ходе наш «маятник» не достиг той высоты, с которой он начал свое движение, и свой второй ход он начал со значительно более низкой отметки.

Первый опрос, в котором в какой-то мере отражается начавшееся обратное движение в массовом сознании, — это опрос, проведенный американскими и российскими социологами в Москве в 1988 году. Он выявил следующую картину (см. таблицу 1.2).

Мы видим, что в 1988 году уже каждый десятый москвич верит в Бога, причем в молодых возрастах верующих — на порядок больше, чем по данным воронежского исследования. Обратный ход маятника становится зримым, и атеистический «монумент» начинает рассыпаться почти так же быстро, как в период большевистской революции рассыпался монумент православный³.

Далее в данном разделе мы будем опираться на опросы, проведенные в ходе нашего исследования в 1991, 1993, 1996 и 1999⁴ годах.

Таблица 1.2

Удельный вес москвичей, верящих в Бога и загробную жизнь (1988)

	Верят в Бога	Уверены, что Бога нет	Верят в загробную жизнь
Все опрошенные	Ю	43	7
До 30 лет	11	45	6
30-44 лет	8	47	5
45-60 лет	9	43	8
Старше 60 лет	13	38	10
Мужчины	5	58	4
Женщины	13	32	9

1

**ОТ «ОБЩЕСТВА, СВОБОДНОГО ОТ РЕЛИГИИ»,
К ОБЩЕСТВУ ВСЕОБЩЕГО ПРАВОСЛАВИЯ**

«ПРОРЕЛИГИОЗНЫЙ» И «ПРОПРАВОСЛАВНЫЙ» КОНСЕНСУС

В нашем изложении мы будем идти от тех аспектов массового сознания, в которых в изучаемый период произошли наиболее резкие и «драматические» изменения «в религиозном направлении», постепенно переходя к аспектам и уровням сознания, где изменения минимальны и даже, возможно, имеют противоположную направленность.

Самые драматические перемены произошли в сфере оценки религии и ее значения, где сейчас мы можем констатировать наличие «прорелигиозного» и «проправославного» консенсуса, охватывающего подавляющее большинство русских. Этот консенсус хорошо виден в оценке разных религий (см. таблицу 1.3).

Мы видим, что «очень хорошее» и просто «хорошее» отношение к православию высказывают 94% населения, что, естественно, значительно выше, чем удельный вес верующих в населении. «Проправославный» консенсус охватывает представителей всех мировоззрен-

ческих групп. Среди верующих «хорошо» и «очень хорошо» относятся к православию 98%, колеблющихся — тоже 98%, неверующих — 85%, атеистов — 84% (в том числе 24% относятся «очень хорошо»). Это — действительно общенациональный консенсус.

При этом, хотя хорошее отношение респонденты выражают и к другим религиям, данный консенсус все же прежде всего именно «проправославный», ибо по удельному весу положительных оценок православие оставляет другие религии далеко позади.

Таблица 1.3

Отношение к различным религиям (1999)

	Очень хорошее	Хорошее	Плохое	Очень плохое
Православие	44	50	1	0
Мусульманство	8	51	16	5
Католицизм	5	53	9	3
Русская Православная церковь за рубежом	4	39	13	6
Буддизм	3	35	15	7
Старообрядчество	4	33	21	7
Иудаизм	2	28	19	8
Лютеранство	2	27	12	6
Бaptизм	2	23	33	12
Кришнаизм		20	20	13
Методизм	1	16	15	7
Пятидесятничество		15	24	12
Адвентизм	1	14	17	10
Иеговизм	1	13	26	21
Мунизм	1	10	18	15

Религиозность в России в 90-е годы

Иерархия отношений к разным религиям позволяет, на наш взгляд, лучше понять природу господствующих «проправославных» настроений. Легко заметить, что это отнюдь не иерархия религиозной близости к православию. Отношение к буддистам, например, лучше, чем отношение к христианам баптистам и даже чем к православным старообрядцам. Что же это за иерархия? На наш взгляд, в основе ее лежит представление о православии как общерусской религии, в соответствии с которым лучше оцениваются те религии, которые, как бы далеки от православия они ни были, являются традиционными религиями других национальностей и не ведут пропаганду среди русских. Самые «плохие» религии — это религии, новые для России и активные. «Проправославный» консенсус — это консенсус в положительной оценке национального прошлого, традиции, самобытности и стабильности, можно даже сказать, неподвижности в религиозной сфере, которую «плохие» религии подрывают⁵.

Как Русская Православная церковь (РПЦ) резко выделяется среди всех религий по ее высокой оценке, так она выделяется и по степени доверия к ней среди всех общественных и государственных институтов (см. таблицу 1.4).

В отличие от доверия к другим институтам (вернее, недоверия, ибо степень доверия русских к различным общественным институтам поразительно мала⁶) доверие к РПЦ — «идеологическое», ибо, как мы увидим в дальнейшем, реально только самый небольшой процент русских как-то контактировал с РПЦ как с институтом. Это — прямое выражение возникшего в российском обществе «проправославного» консенсуса.

Громадное «идеологическое» доверие к РПЦ (с которой русские реально не сталкиваются) и громадное недоверие к другим институтам (тем, которые известны им значительно лучше) объясняют⁷ и иногда удивляющие западных наблюдателей проявления официальной и показной религиозности и утрированного и демонстративного почтения к Патриарху и другим церковным иерархам у российских политиков, чаще всего явно неверующих. Близость к церкви как бы «освящает» не пользующиеся доверием институты и политики, их представляющих, церковь как бы передает им частичку своего авторитета. И ясно, что в современной России политик должен быть очень храбрым и честным человеком, чтобы выступить против позиции и интересов церкви или хотя бы просто заявить о своем

Доверие к различным институтам (1999)

	Очень доверяют	Доверяют	Не доверяют	Совсем не доверяют	Разница между % доверяющих и % не доверяющих
РПЦ	23	46	11	7	+51
«Зеленые»	14	50	11	6	+47
Армия	9	43	26	12	+14
ООН	5	32	15	13	+9
Телевидение	5	45	32	12	+6
Европейский союз	3	23	19	13	-6
СМИ	3	37	35	18	-13
Профсоюзы	6	27	29	24	-20
Суды	3	31	32	24	-22
Страны СНГ	1	20	32	16	-27
Милиция	3	25	37	30	-39
Правительство	2	23	36	32	-43
Большие компании	1	14	28	30	-43
Дума	2	13	40	38	-63
Политические партии	1	7	39	34	-65

неверии. (В третьей главе мы увидим, что поддержка интересов РПЦ особенно велика среди политической элиты России).

ПРАВОСЛАВНЫЙ РУССКИЙ НАРОД

Уже по приведенным выше данным мы можем видеть тесную связь в современном русском сознании православия :д национальной идентичности. Роль православия в национальной идентичности выступала на первый план по мере кризиса и распада СССР и, соответственно, советской идентичности.

В советское время слово «русский» было очень близко по значению слову «советский» и подразумевало как совершенно очевидное своеобразие, так и характеристики, которые могут являться предметом гордости, придавать этому своеобразию ценность (первое в мире социалистическое государство, бесплатное образование и медицина, великая военная держава, успехи в космосе, «зато мы делаем ракеты» и т. д.). Сейчас все это рухнуло, и русские оказываются в ситуации, когда не совсем ясно, в чем «русскость» заключается, и главное — в чем ее ценность. Естественно, что русским трудно и неприятно ощущать себя плохими учениками Запада. И здесь на помощь приходит православие, — не столько как религия, сколько как символ русского своеобразия и некой духовной ценности этого своеобразия, как что-то, что может быть с гордостью противопоставлено другим, и ценность чего эти другие тоже в какой-то мере признают.

В силу этого в полном противоречии с «нормальной» логикой и прямым значением терминов в современной России понятие «православный» не является частью более широкого понятия «верующий», а, скорее, наоборот — понятие «верующий» является частью понятия «православный».

В 1991, 1993 и 1996 годах мы задавали вопрос: «Вне зависимости от того, ходите ли Вы в церковь, считаете ли Вы себя приверженцем определенного вероучения?» Ответили «Да» в 1991 году 34%, в 1993 году — 43%, в 1996 году — 36%. Это больше, чем называвших себя верующими (соответственно, 23%, 32% и 34%), что означает, что для части современных русских можно быть приверженцем определенного вероучения, не будучи верующим. Когда же у тех, кто причисляет себя к приверженцам определенного вероучения, спрашивали: какого? — подавляющее большинство (в 1991 году — 80%, в 1993 и 1996 годах — 91%) отвечало: православного. Неправославные — это прежде всего представители разных национальных меньшинств, в основном мусульмане. Удельный вес баптистов и адвентистов все эти годы никогда не достигал более 1% отождествлявших себя с каким-либо

вероучением, не говоря уже о всех респондентах. «Православными» оказываются и многие неверующие, и даже атеисты (по формуле белорусского президента А. Лукашенко: «Я — православный атеист»).

В 1999 году мы задали респондентам схожий вопрос, но сформулированный уже несколько иначе. Мы уже не спрашивали предварительно, считают ли опрашиваемые себя приверженцами какого-либо вероучения, а сразу же спросили: «Считаете ли Вы себя приверженцем православия, католицизма, протестантизма... других вероисповеданий, неверующим?» При поставленном так вопросе приверженцами православия назвали себя уже 82% всех русских респондентов (3% назвали себя неверующими и 13% — «не знают»). Таким образом, православных оказалось значительно больше, чем верующих (42%). Православными назвали себя 98% верующих, 90% колеблющихся, 50% неверующих и 42% атеистов.

82% русских, считающих себя православными, — это, конечно, громадное достижение церкви, если оценивать ее деятельность цифрами. Но ясно, что такое «идеологическое» православие имеет лишь очень косвенное отношение к религиозной вере. Перейдем теперь к вопросам, более непосредственно касающимся веры, — не веры в пользу церкви, ценность православия и «православной цивилизации», а веры в Бога и религиозные догматы православия. Картина при этом становится совершенно иной.

ВО ЧТО ВЕРЯТ РУССКИЕ?

О том, как меняется удельный вес верящих в разные религиозные и парарелигиозные доктрины, мы можем судить на основании приведенной ниже таблицы 1.5.

Удельный вес верящих в Бога, как мы видим, растет как бы скачками. Первый «скачок» происходит в 1989—1991 гг. (несомненно, что 34% верящих в Бога в 1991 году — это результат бурного роста, происшедшего в 1989—1990 гг. В 1993—1996 гг. практически никаких изменений не произошло, а с 1996 по 1999 год — новый рост сразу на 14 %. (Мы должны честно признаться, что не понимаем, в чем причины этого нового «скачка», которого мы не ожидали. На основании данных 1996 года мы думали, что происходит естественное затухание роста и стабилизация числа верующих).

Следует отметить также, что удельный вес в населении тех, кто верит в Бога, резко выше удельного веса тех, кто верит в различные

Религиозность в России в 90-е годы

Таблица 1.5

Удельный вес верующих в различные религиозные доктрины*

	1991	1993	1996	1999
В Бога	34	46 (+12)	47 (+1)	61 (+14)
В загробную жизнь	17	25 (+8)	24 (-1)	24 (-1)
В существование дьявола	12	28 (+16)	27 (-1)	31 (+4)
В ад	13	24 (+11)	22 (-2)	26 (+4)
В рай	15	25(+10)	24 (-1)	31 (+7)
В воскресение мертвых	7	12 (+5)	9(-3)	10 (+1)
В переселение душ	17	21 (+3)	20 (-1)	21 (+1)
В астрологию			37	42 (+5)
В магию				45
В колдовство				47

* В скобках показано изменение удельного веса верящих в различные доктрины по сравнению с предшествующим опросом.

идеи и догматы, в православном и общехристианском учении неразрывно связанные с верой в Бога. Так, по крайней мере 35% в 1999 году верили в Бога, не веря в загробную жизнь. Рост числа и удельного веса верящих в Бога также резко выше роста числа верящих в другие элементы христианского вероучения. Так, с 1991 по 1999 год процент верящих в Бога возрос на 27%, а верящих в загробную жизнь — только на 6%.

Еще одна и очень важная черта современной русской религиозности — это громадное распространение разных нехристианских религиозных и парарелигиозных идей, вера в которые в настоящее время более распространена, чем вера в основные элементы христианского вероучения. Для современного русского поверить в пересе-

ление душ более чем в два раза легче, чем в воскресение мертвых, а в колдовство — почти в два раза легче, чем в загробную жизнь.

Вера в Бога, которая легко сочетается с верой в колдовство и магию и плохо — с верой в загробную жизнь, очень мало говорит нам о реальном содержании сознания, ибо одно и то же слово «Бог» может означать разное — и живого христианского Бога, и всяких философских «богов», и вообще едва ли не все, что угодно. Поэтому мы задавали также другие вопросы, о том, как люди понимают слово «Бог», предлагая на выбор ряд ответов. Выборы, сделанные респондентами, обобщены в таблице 1.6.

Таблица 1.6

Различные мнения о Боге

	1991	1993	1996	1999
Есть Бог, с которым человек может установить личные отношения	7	12	15	18
Есть что-то вроде Духа или жизненной силы	34	33	35	38
Не знаю	39	26	24	21
Нет никакого Бога, Духа или жизненной силы	21	22	18	16

Мы видим, что удельный вес лиц, понимающих Бога по-христиански, как живого Бога, с которым человек вступает в личные отношения, значительно ниже удельного веса тех, кто «верит в Бога».

Перейдя от цифр, характеризующих отношение к религии, к цифрам, характеризующим собственно религиозность, мы сразу же спускаемся на уровень на порядок более низкий. Наш «Маятник» достиг предельной позиции в том, что касается положительной оценки церкви, несколько меньшей — в неопределенной самоидентификации как православных и еще меньшей — в цифрах, характеризующих «веру в Бога». Когда же мы пытаемся «нащупать» более или менее определенную православную христианскую веру, мы переходим в область уже очень небольших цифр, где движение нашего «маятника» становится почти незаметным.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ: ВЕРУЮЩИЕ, АТЕИСТЫ И ПРОЧИЕ

Несколько иной ракурс той же картины мы получаем, если посмотрим на самоидентификацию респондентов, которым в наших опросах предлагалось выбрать для себя одно из следующих определений: «верующий», «колеблющийся», «неверующий» и «атеист». Вот как менялось соотношение между этими категориями (см. таблицу 1.7).

Таблица 1.7

Мировоззренческие группы по самоидентификации

	1991	1993	1996	1999
Верующие	23	32	34	40
Колеблющиеся	28	28	30	30
Неверующие	7	30	24	22
Атеисты	35	5	6	5
«Не знаю»	7	4	6	2

Мы видим, что число лиц, называющих себя верующими, не совпадает с числом лиц, дающих ответ «Да» на вопрос: «Верите ли Вы в Бога?» — оно всегда меньше. Самоидентификация как верующих в глазах респондентов — нечто более серьезное, чем просто сказать, что ты веришь в Бога.

Но ритм роста числа верующих, естественно, совпадает с ритмом роста числа «верящих в Бога». Здесь мы также видим резкий рост с 1991 по 1993 год (который, несомненно, продолжает рост, начавшийся ранее, году в 1989), «стабилизацию» в 1993—1996 гг. и новый рост с 1996 по 1999 год.

Параллельно с ростом числа и удельного веса верующих в начале рассматриваемого периода идет падение числа и удельного веса атеистов. С 1991 по 1993 год процент атеистов упал «катастрофически» — с 35% до 5%. Но далее он стабильно держится на этом уровне. В какие категории перешли атеисты? Разумеется, они могли перейти в любые категории, но, скорее всего, с 1991 по 1993 год большинство из них

перешло в бурно и симметрично с падением числа атеистов растущую категорию «неверующих». В 1991 году называть себя атеистом стало уже немного «неприлично», массовый конформистский атеизм распался, и его представители, если не объявили себя «колеблющимися» или просто верующими — стали предпочитать более «мягкую» самоидентификацию как «неверующих», уже затем, в последующие годы, переходя в «колеблющиеся» и верующие — после бурного роста с 1991 по 1993 год численность категории «неверующих» постепенно уменьшается. Почему, однако, численность атеистов после 1993 года стабилизируется? Почему эта группировка вообще не исчезает?

На наш взгляд, с атеистами происходит то, что обычно бывает при массовых колебаниях народного сознания и что происходило с верующими при первом движении нашего «Маятника».

Массовая формальная православная религиозность распалась в период революции 1917 года как карточный домик, и если бы она продолжала исчезать и далее теми же темпами, то к 40-м годам в России не должно было остаться ни одного верующего. Но на деле все было далеко не так. Масса формальных, конформистских приверженцев легко и быстро покидает потерпевшую поражение идеологию. Но всегда существует небольшое, действительно преданное ей меньшинство, для которого изменить свою самоидентификацию, свою идейную принадлежность очень трудно. И те верующие, которые сохранили веру в революционный период, в массе своей так и прожили верующими до конца своих дней. Никакие усилия атеистической пропаганды уже ничего с ними поделать не могли.

Нечто похожее, на наш взгляд, происходит и с атеистами при втором ударе «маятника». Конформистские атеисты «ушли из атеизма» в 1989—1992 гг., остались «твердые», выдержавшие самый мощный натиск религиозной волны, которые, наверное, теперь уже и останутся атеистами до конца своих дней — им уже поздно меняться⁸.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАКТИКА

Мы рассмотрели религиозную самоидентификацию и чисто словесное выражение веры в Бога. Но что стоит за ними? В какой мере утверждения о вере в Бога и идентификация себя как верующего действительно что-то значат?

Посмотрим сначала, как оценивают респонденты важность для них религии и Бога (см. таблицу 1.8).

Таблица 1.8

Важность религии и веры

Согласны, что:	1991	1993	1996	1999
Бог скорее не важен	68	66	63	51
Скорее важен	25	31	33	45
Религия не важна		65	65	56
Религия важна		33	32	42

Мы видим, что число людей, утверждающих, что Бог и религия для них важны, растет параллельно с ростом других вербальных показателей религиозности (хотя процент тех, для кого они не важны, остается выше процента тех, для кого они важны).

Посмотрим теперь, как эти утверждения и эта вера претворяются в дела. Начнем с самого простого дела, требующего минимальных усилий, — с посещения церкви (см. таблицу 1.9).

Таблица 1.9

Посещение церквей

Посещают церкви:	1991	1993	1996	1999
Не реже раза в месяц	6	7	6	7
Несколько раз в год	8	10	20	19
Раз в год или реже	27	21	25	29
Никогда	59	62	48	45

Посещение церквей раз в месяц — нормальное общепринятое в социологии религии измерение религиозности, и по этому измерению Россия находится на одном из последних мест в Европе и мире⁹. Более того (и это значительно более важно), никакого роста регулярного посещения церквей за весь этот период «религиозного возрождения России» вообще не произошло, несмотря на то, что с открытием

громадного числа новых и восстановлением старых церквей теперь ходить в церковь стало намного легче. Выросло, и то не намного, лишь число тех, кто посещает церковь несколько раз в году.

Схожую картину дает и динамика ответов на вопрос: «Как часто Вы молитесь?» (см. таблицу 1.10).

Таблица 1.10

Как часто Вы молитесь?

	1991	1993	1996	1999
Часто	8	13	13	15
Иногда	8	12	14	12
Очень редко	6	7	8	9
Только в критических ситуациях	13	15	15	16
Никогда	66	51	45	44
Не знаю		2	4	3

Еще более печальную для РПЦ картину дают ответы на вопрос о причастии, включенный в опрос в 1999 году. Мы приводим данные об этих ответах с распределением по полу и возрасту (см. таблицу 1.11),

Полностью соблюдали пост в 1996 году 4%, в 1999 — те же 4%. В 1996 году 69% заявили, что «практически никогда» не читают Библии. В 1999 году при несколько иной постановке вопроса 44% сказали, что никогда не раскрывали ее.

Только 1% (!) опрошенных (и только 3% верующих) сказали в 1999 году, что они часто общаются со священником, 1% (3%) — что они общаются с ним иногда, 4% (7%) — очень редко, 13% (24%) — в особых ситуациях, таких как похороны, крещение и т. д., и 79% (61%) — никогда.

Как только мы перешли с уровня слов на уровень дел, движение нашего «маятника» стало едва заметным. «Положительное отношение» к церкви оказывается практически не способным перейти в веру, хоть в какой-то мере подкрепленную делами.

Принимали ли Вы когда либо Святое причастие? (1999)

	Мужчины	Женщины	До 30 лет	Старше 60 лет	Всего
Никогда	58	48	65	39	53
Когда-то в детстве	19	16	13	19	17
Несколько лет назад	9	14	7	15	12
Год назад	4	6	4	6	5
Меньше года назад	2	6	5	6	4
Месяц назад	1	2	0	4	2
Меньше месяца назад	0	3	1	3	2
Не знаю	8	4	5	7	6

ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРУЮЩИЕ

Мы видели, что по мере перехода с уровня «хорошего отношения к РПЦ» на уровень сначала чисто «словесной» веры в Бога, а затем — на уровень претворения этой веры в какие-то, пусть самые минимальные, дела, признаки «религиозного возрождения» становятся все менее заметными, а «пустота», «несерьезность» новых самоидентификаций как «верующих» и «православных» все очевидней. Поэтому мы постарались вычленить категорию лиц, которых мы с большей или меньшей обоснованностью можем считать действительно верующими.

Для этого мы отобрали группу лиц, которые: 1) идентифицируют себя как верующих; 2) верят в Бога, с которым можно вступить в личные отношения (а не «жизненную силу»); 3) считают себя православными и 4) или а) посещают церковь не реже раза в месяц, или б) часто молятся. Таких людей оказалось в 1996 году 6%, в 1999 году — 7% (о демографическом составе этой группы мы скажем чуть позже).

Мы отлично понимаем, что наши критерии вычленения «настоящих» традиционных православных верующих не строги. Можно

использовать другие критерии. Но какие бы критерии мы не взяли, цифра не увеличивается. Возьмем, например, только два критерия — самоидентификация как «верующих» (40%) и причастие не позже чем месяц назад (9%). Получается меньше 4%. Если же мы чуть ужесточим критерии и к нашим четырем добавим, например, регулярное причастие, или соблюдение поста, или прочтение хотя бы раз хотя бы одного Нового Завета, или отсутствие веры в астрологию и переселение душ, группа традиционных верующих вообще «исчезнет». Такие верующие, разумеется, есть, но статистически они — бесконечно малая величина, не улавливаемая грубыми средствами измерения, — в процентах.

На уровне более или менее «серьезной» веры наш «маятник», таким образом, едва двигался (если, как мы об этом еще будем говорить, он вообще не движется в противоположном направлении). Результаты «религиозного возрождения» оказываются не только очень скромными, они оказываются «бесконечно малой», если не отрицательной величиной.

2

ХАРАКТЕРИСТИКИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ГРУПП

Если мы хотим понять перспективы развития российского массового сознания, мы должны дополнить наши данные о его динамике данными о социально-демографическом составе и других устойчивых характеристиках мировоззренческих групп. В опросах респонденты могли идентифицировать себя как верующие (в 1999 году — 40%), колеблющиеся (30%), неверующие (22%) и атеисты (5%). Кроме того, уже не на основе самоидентификации, а на основе указанных выше критериев мы вычленили группу «традиционных» верующих — 7%. Традиционные верующие, таким образом, часть более широкой группы верующих. Наконец, мы вычленили еще одну группу, которую мы условно назвали «эклектиками», — лиц, верящих в переселение душ и астрологию, т. е. наиболее подверженных влиянию современных парарелигиозных идей. Таких оказалось 14%. Эта группа «пересекает» группы по самоидентификации. В ней есть и верующие, и колеблющиеся, и неверующие, и даже атеисты.

Перейдем теперь к рассмотрению состава этих групп, посмотрим, какого типа люди придерживаются в современной России разных мировоззрений. Мы, из экономии места и сил читателя, будем приво-

дить лишь данные последнего опроса 1999 года (русской части опрошенных), оговаривая значимые отклонения этих данных от данных предыдущих опросов.

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Тендерную структуру мировоззренческих групп мы можем видеть на приведенной ниже таблице 1.12.

Таблица 1.12

Тендерный состав мировоззренческих групп

	Традиционные верующие	Все верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	атеисты	Эклектики	Все опрошенные
Мужчины	19	32	41	62	79	41	44
Женщины	81	68	59	38	21	59	56

Мы видим картину роста удельного веса мужчин по мере перехода от религии к атеизму. Среди традиционных верующих мужчин всего-навсего 19%. Среди атеистов, наоборот, только 21% женщин. Тендерный состав этих противоположных мировоззренческих групп, таким образом, почти зеркально противоположный. В остальных группах пропорция полов пропорциональна их близости к религиозному и атеистическому мировоззренческим «полюсам».

В группе «эклектиков» мужчин только немного меньше, чем в выборке в целом.

ВОЗРАСТ

Мы видим (см. таблицу 1.13), что есть прямая и значительная корреляция возраста и религиозности: среди молодых опрошенных традиционных верующих значительно меньше, а среди пожилых — значительно больше, чем в населении в целом. Такая корреляция есть и между возрастом и удельным весом категории верующих в целом, но значительно меньше, и если «вычесть» из категории верующих традиционных верующих, она становится совсем незначительной.

Возрастной состав мировоззренческих групп*

	Традиционные верующие	Все верующие	Коллеблющиеся	неве- рую- щие	Атеисты	Эклектики	Все опрошенные
18-29 лет	6,1 (-14,8)	18,4 (-2,5)	22,7 (+1,6)	22,8 (+1,7)	15,7 (-5,2)	30,9 (+10)	20,9
30-39 лет	7 (-14,9)	19,1 (-2,8)	24,6 (+2,7)	23,8 (+1,9)	23,6 (+1,7)	19,9 (-2)	21,9
40-49 лет	14 (-4)	17,5 (-0,5)	20 (+2)	16,2 (-1,8)	22,5 (+4,5)	21,2 (+3,2)	18
50-59 лет	18,4 (+1,8)	16,5 (-0,1)	14,9 (-1,7)	16,8 (+0,2)	22,5 (+5,9)	13,1 (-3,5)	16,6
60-69 лет	23,7 (+10,6)	15,2 (+2,1)	12 (-1,1)	12 (-1,1)	13,5 (+0,4)	9,3 (-3,8)	13,1
70-79 лет	22,8 (+15,7)	• 10,3 (+3,2)	4,8 (-2,3)	5,8 (-1,3)	5,6 (-1,5)	5,1 (-2)	7,1
Старше 80 лет	8,7 (+6,4)	4 (+1,7)	0,8 (-1,5)	1,8 (-0,5)	1,1 (-1,2)	0,4 (-1,9)	2,3

*В скобках показано, насколько процент лиц данного возраста в мировоззренческой группе больше или меньше их удельного веса в выборке в целом.

Данная зависимость в какой-то мере противоречит тезису, что новые духовные движения всегда распространяются прежде всего среди молодежи и через молодежь, и приводившимся выше данным московского опроса 1988 года, показывавшим, что верующих больше среди самых старых и самых молодых опрошенных — представителей старой традиционной религиозности и «неофитов». Очевидно, преимущественный приток к категории верующих молодежи в период 1989—1992 гг. все-таки был, но был не так уж велик и шел прежде всего в группу не «серьезных», не «традиционных» верующих¹⁰.

Религиозность, в России в 90-е годы

Возрастной состав групп «колеблющихся» и «неверующих» приблизительно соответствует возрастной структуре населения, хотя представителей молодых возрастов среди них чуть-чуть больше.

Среди атеистов относительно мало как представителей молодежи, так и представителей самых старых возрастных групп. Типичный русский атеист — мужчина средних лет или пожилой, но еще не старый.

Напротив, среди «эклектиков», верящих в разные «новомодные» парарелигиозные доктрины, молодежи значительно больше, чем в населении в целом.

ОБРАЗОВАНИЕ

Традиционные верующие — самая необразованная мировоззренческая группа. Лиц с образованием менее 10 классов среди них — 47%, на 26% больше, чем в населении, а лиц с высшим и незаконченным высшим образованием — 14%, на 9% меньше, чем в населении.

Противоположной ей в этом отношении является группа атеистов. Среди них лиц, не имеющих законченного среднего образования, — на 9% меньше, чем среди всех опрошенных, а лиц с высшим и неоконченным высшим образованием — на 9% больше.

Таблица 1.14

Уровень образования разных мировоззренческих групп

	Традиционные верующие	Все верующие	Колеблющиеся	неверующие	атеисты	Эклектики	Все опрошенные
7 классов и меньше	38	19	9	7	5	8	13
Незаконченная средняя школа	9	9	6	11	7	10	8
Средняя школа	18	27	29	28	23	29	27
Техникум	20	26	32	29	32	27	29
Незаконченный вуз	1	3	4	5	2	4	4
ВУЗ	13	16	20	20	30	22	19

«Средние», «переходные» мировоззренческие группы в этом отношении, как и в большинстве других, также занимают «среднее» положение. Распределение среди них лиц с разным уровнем образования в целом лишь минимально отклоняется от их распределения в населении.

«Эклектики» несколько образованнее «средних русских», причем надо учитывать, что среди них больше, чем в других группах, представителей самых молодых возрастов.

ДОХОД

Доходы относительно тесно связаны с образованием. Поэтому картина распределения групп с разными доходами среди различных мировоззренческих групп не представляет ничего удивительного.

Традиционные верующие — люди в массе своей не просто бедные, а нищие. 500 рублей (приблизительно 20 долларов) в месяц на человека — это крайняя нищета. А около 40% из них имеет 10 и менее долларов, — цифра, говорящая о почти непредставимой нищете.

Наоборот, нищих атеистов меньше, чем нищих представителей любой другой мировоззренческой группы.

«Эклектики» по индивидуальному доходу — группа более бедная, чем «средние русские», но по семейному — несколько более богатая.

Таблица 1.15

Доходы представителей разных мировоззренческих групп

		Традиционные верующие	Все верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	атеисты	Эклектики	Все опрошенные
Индивидуальный доход	до 500 рублей	68	50	42,5	35,4	29,2	43,6	43
	более 2000 рублей	0	3,7	3,8	4,6	4,5	0,3	3,8
Семейный доход	до 500 рублей	37,7	22	13,5	14,6	6,7	14,8	16,6
	более 2000 рублей	3,5	11,4	14,7	11,6	14,6	14,8	12,9

Очевидно, это объясняется относительно высоким удельным весом в этой группе молодежи, которая сама еще ничего не зарабатывает, но живет в относительно обеспеченных семьях.

Объективные данные о доходе могут быть дополнены субъективной оценкой его и его динамики. Здесь мы видим некоторые любопытные расхождения объективных данных и самооощущения.

Мы видим, что традиционные верующие, хотя и оценивают свое материальное положение хуже, чем население в целом, но не настолько хуже, как это соответствует действительности. Так, лиц с доходом ниже 500 рублей среди них — на 25% больше, чем среди населения в целом. Но считающих, что их положение хуже среднего, — всего на 5% больше.

Среди атеистов, наоборот, нищих значительно меньше, чем в населении, а оценивающих свое материальное положение как хуже среднего — несколько больше.

Чем объяснить такое отклонение? Прежде всего, очевидно, тем, что «средний» доход для людей — это доход их социального слоя. Нищая верующая старушка сравнивает себя не с «новыми русскими», а с другими нищими же старушками, на фоне: которых она выглядит и не такой уж нищей. Наоборот, относительно образованный и более или менее обеспеченный мужчина средних лет — типичный атеист при определении своего материального положения может вообще не сравнивать себя с этой старушкой — она вне

Таблица 1.16

Субъективная оценка дохода и его динамики (1999)

	Традиционные верующие	Все верующие	Колесблющиеся	Неверующие	Атеисты	Эклектики	Все опрошенные
Считают, что их доход выше среднего	30	35	38	37	39	39	36
Считают его ниже среднего	64	60	59	60	61	56	59
Считают, что их материальное положение за последние 5 лет улучшилось	11	15	19	15	13	18	16
Считают, что оно ухудшилось	20	20	20	20	26	19	20

поля его зрения, — он сравнивает себя с другими такими же мужчинами.

На самооценку может влиять и динамика доходов. Традиционные верующие, естественно, не стали за пять лет богаче — они и пять лет назад были такими же нищими, но ощущающих, что они стали беднее, среди них не больше, чем в населении в целом. Это люди, живущие на таком уровне, на котором финансовый крах июня 1998 года может и не ощущаться. Напротив, атеисты в целом — наиболее обеспеченная группа, одновременно и наиболее ощущающая негативную динамику своего дохода.

Но здесь может быть и действие фактора, о котором мы еще будем говорить ниже — того, что можно назвать, в духе атеистической литературы позднесоветского периода, «компенсаторной функцией» религии.

ХАРАКТЕР РАБОТЫ

Удельный вес работающих, что вполне естественно, принимая во внимание средний возраст представителей этой мировоззренческой группы, меньше всего среди традиционных верующих. Учащихся среди

Таблица 1.17

Характер работы (1999)

	Традиционные верующие	Все верующие	Колесблющиея	Неверующие	Атеисты	Эклектики	Все опрошенные
Пенсионеры	60	34	21	20	24	17	26
Учащиеся дневных учебных заведений	0	3	4	2	0	5	3
Безработные, ищущие работу	6	6	6	10	12	6	7
Работающие	28	49	61	61,8	61,7	61,9	56,4
Из числа работающих, занимающие руководящие должности	9	6	8	4	15	11	7
Являются собственниками предприятий	0	3	4	1	10	5	4

них в нашей выборке вообще нет, но пенсионеров значительно больше, чем в иных группах.

Учащихся нет и среди атеистов (это тоже, как и традиционные верующие, — не «молодежная» группа). Среди работающих атеистов довольно много разного рода руководителей, что вполне соответствует приведенным выше данным об их образовании, возрасте и доходе. Очень любопытно, что среди них и относительно много собственников. Среди атеистов было особенно много членов партии, и многие среди них занимали «приличное» социальное положение при советской власти. Наличие среди них сейчас относительно большого числа собственников, на наш взгляд, отражает происхождение новой русской буржуазии, в значительной мере выходящей из среды партработников и вообще старой коммунистической верхушки (в том числе, в какой-то мере и той, которая сохранила верность своему мировоззрению или, во всяком случае, такому его элементу, как атеизм). С другой стороны, удельный вес безработных, ищущих работу, в этой группе также довольно велик, что говорит о трудностях их адаптации к новым условиям.

Среди «эклектиков», наиболее «молодежной» группы, относительно много учащихся.

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Традиционные верующие — наиболее «деревенская» группа по своему происхождению, это представители традиционного и уходящего мира русской деревни¹¹, а их мировоззренческие «антагонисты», атеисты, напротив, наиболее «городская» группа. По теперешнему месту жительства по необъяснимым для нас, и возможно случайным, причинам (в опросах предшествующих лет этого не было) наиболее «деревенской» группой в 1999 году оказались неверующие, а традиционные верующие занимают второе место. Но самая «городская» группа опять-таки атеисты.

Стоит отметить, что разные мировоззренческие группы имеют несколько разное распространение и в отдельных регионах России. Традиционных верующих значительно больше в Центральном регионе (33% жителей этого региона среди традиционных верующих и 19% среди всех опрошенных), Волго-Вятском регионе (8% и 4%) и на Северном Кавказе (11% и 9%), атеистов — на Урале (19% и 10%), в Поволжье (15% и 9%) и на Дальнем Востоке (10% и 6%), «эклектиков» —

Место жительства и происхождение (1999)

	Традиционные верующие	Все верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	Атеисты	экле- ктики	I Все опрошенные
Живут в городах с населением более 1 миллиона человек	19	21	26	21	35	21	23
Деревенские жители	25	23	21	28	16	21	23
До 16 лет жили в деревне	52	40	32	32	22	32	35
До 16 лет жили в крупных городах	15	20	26	23	33	25	24

на Урале (14% и 10%) и Дальнем Востоке (9% и 6%). На наш взгляд, это связано с тем, что среди населения Урала, Сибири и Дальнего Востока очень много людей, приехавших сюда на стройки в советское время, то есть людей, наименее традиционных и, кроме того, порывавших в ходе миграции со многими элементами традиции.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Мы видим (см. таблицу 1.19), что две «крайние» и противоположные мировоззренчески группы — традиционные верующие и атеисты — по своему семейному положению, как и по большинству других характеристик, также представляют собой противоположности.

Среди традиционных верующих меньше, чем в любой другой группе, холостых, разведенных и разошедшихся с супругами, и меньше тех, кто не имеет детей. Среди атеистов представителей всех этих категорий больше, чем в других группах. При этом среди верующих — громадный удельный вес вдовых, что объясняется прежде всего их возрастным и тендерным составом — женщины в России живут почти на десять лет больше, чем мужчины, — и возможно, также и тем, что среди овдовевших больше стремления найти утешение в религии. И хотя среди традиционных верующих меньше лиц, вообще не имеющих детей, среди них больше тех, кто живет с детьми раздельно. Громадное число традиционных верующих (39%) вообще живут одни.

Семейное положение (1999)

	Традиционные верующие	Все верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	Атеисты	Эклектики	Все опрошенные
Состоят в браке	40	54	57	62	51	52	57
Вдовы	41	21	12	8	8	10	15
Разошедшиеся и разведенные	11	12	15	13	24	19	15
Холостые	5	9	12	13	16	14	11
Состояли в браке более чем один раз (из состоявших в браке)	17	19	18	18	25	24	19
Не имеют детей	13	17	19	21	26	24	19
Не живут с детьми (от числа имеющих детей)	54	39	29	35	52	31	36
Живут одни	39	22	14	13	15	16	18
Полностью довольны семейной жизнью	21	19	12	13	15	17	15

«Эклектики» — на втором месте после атеистов по удельному весу разведенных и холостых. При этом надо учитывать, что средний возраст «эклектика» значительно меньше среднего возраста атеиста, так что есть основания полагать, что по числу разводов они способны атеистов догнать.

И снова, как и в случае с доходами, мы видим несоответствие объективного положения и самоощущения. Вдовья одинокая старая женщина — традиционная верующая, — вроде бы не имеет оснований быть особенно довольной семейной жизнью. Но на деле традиционные верующие — самая довольная своей семьей группа.

ЗДОРОВЬЕ

Портреты мировоззренческих групп можно дополнить данными о здоровье. В 1991 году мы задавали вопрос, как респонденты оценивают свое здоровье. Ответы были следующие:

Таблица 1.20

Оценка своего здоровья (1991)

	Все опрошенные	Верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	Атеисты
Очень хорошее	4	5	3	7	4
Хорошее	22	13	21	16	29
Среднее	54	53	58	63	52
Плохое	15	23	13	8	13
Очень плохое	2	5	3	0	1

Мы видим, что здоровье верующих заметно хуже среднего, что немудрено, если принять во внимание возрастные различия, а здоровье атеистов, напротив, лучше всех.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ГРУПП И ИХ ПСИХОЛОГИЯ

Мы можем подвести некоторые итоги и дать общую характеристику мировоззренческих групп.

Почти по всем социально-демографическим характеристикам противоположные мировоззренчески группы — атеисты и традиционные верующие — максимально отклоняются от «среднерусских» показателей в противоположных направлениях, т. е. мировоззренческая противоположность совпадает с социальной противоположностью.

Традиционные верующие — группа преимущественно женская, атеисты — мужская. Традиционные верующие — наименее, а атеисты — наиболее образованы. Традиционные верующие — самая бедная группа, а атеисты — самая богатая, среди них также относительно много,

Религиозность в России в 90-е годы

больше, чем в других группах, начальников и собственников. Атеисты в основном — жители крупных городов и горожане не в первом поколении, среди традиционных верующих и сейчас много деревенских жителей, и по происхождению они — наиболее «деревенская» группа. В группе атеистов больше, чем в других группах, разведенных, в группе традиционных верующих — меньше. Зато совершенно громадное число их — вдовы и живущие одни. Наконец, традиционные верующие обременены болезнями, а атеисты — самая здоровая группа.

Есть только два показателя, по которым атеисты и традиционные верующие ближе друг к другу, чем к другим мировоззренческим группам. Во-первых, это возраст. Традиционные верующие в среднем — очень стары. Атеисты — не так стары, но и отнюдь не самые молодые. Это в основном люди среднего и несколько старше среднего возраста. Во-вторых, хотя материальное положение атеистов несравненно лучше положения традиционных верующих, и тех и других роднит то, что их материальное положение (или, во всяком случае, его субъективное восприятие) ухудшается несколько скорее, чем у «среднего русского».

Основная масса, подавляющее большинство русских принадлежит к «переходным» группам с относительно неопределенным мировоззрением — не «традиционным» и в основном номинальным верующим, «колеблющимся» и «неверующим», социально-демографические различия между которыми очень невелики. Группа «эклектиков» по образованию и семейному доходу идет сразу же за атеистами, обгоняя другие группы, причем отставание от атеистов может объясняться тем, что в этой группе больше всего молодежи.

Исходя из объективных характеристик мировоззренческих групп, мы могли бы ожидать, что психологические характеристики должны были бы соответствовать им и атеисты и традиционные верующие должны представлять собой психологически диаметрально противоположности. Мы вправе ожидать, что относительно преуспевающие и образованные мужчины средних лет — атеисты должны быть более «открыты» миру, меньше страшиться будущего и нового, а традиционные верующие, среди которых преобладают необразованные и нищие старые женщины, наоборот, должны скорее бояться будущего, ничего им хорошего не сулящего. Отчасти это так и есть, но картина все же несколько более сложная.

Посмотрим сначала, как отвечают представители разных мировоззренческих групп на вопросы, связанные с отношением к будущему (см. таблицу 1.21).

Отношение к будущему (1999)

ПОЛНОСТЬЮ согласные со следующими утверждениями:	Традиционные верующие	Все верующие	Коллеблющиеся	Неверующие	Атеисты	Эклектики	Все опрошенные
При важных жизненных переменах:							
... надо быть особенно осторожным	22	15	13	9	11	12	13
... надо действовать смело	9	9	5	7	17	9	8
Когда в моей жизни происходят перемены:							
... я обычно испытываю тревогу	22	15	12	8	14	13	13
... я радуюсь им	5	8	6	5	5	10	6
Старые идеи - самые лучшие	27	19	15	12	16	16	16
Новые идеи - лучше	3	4	3	3	7	6	4

Как и следовало ожидать, традиционные верующие проявляют больше тревожности и страха нового и будущего. Но разница между ними и «средними русскими» не так велика, как можно было бы ожидать, исходя из объективных различий между ними. И противоположная атеистическая мировоззренческая группа, хотя и несколько оптимистичнее, чем русские в среднем, также отличается от массы лишь в очень небольшой степени. На наш взгляд, здесь сказываются два фактора. Во-первых, утрата атеистами идеологических позиций и идеологической веры в себя и некоторая утрата ими и личных социальных позиций, о чем мы говорили выше¹². Во-вторых, это уже упомянутая выше «компенсаторная функция» религии, способствующая преодолению тревожности и «примирению» с действительностью. Мы уже видели, что верующие оценивают свое материальное положение выше, чем оно есть на самом деле, и поразительным образом выражают относительное довольство своим семейным положением, объективно очень плохим. Объяснить это можно лишь влиянием веры.

Религиозность в России в 90-е годы

На наш взгляд, эта «компенсаторная функция», то, что религия не дает нищим и больным людям отчаяться и озлобиться, видна и в ответах на вопросы, связанные с доверием людям:

Таблица 1.22

Доверие к людям (1999)

Согласны с утверждениями:	Традиционные верующие	Все верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Атеисты	эклетики	Все опрошенные
Людям в основном можно доверять	21	15	20	23	13	17	18
С людьми надо быть крайне осторожным	69	78	78	72	82	79	77
Сейчас люди больше помогают друг другу, чем раньше	3	3	2	3	4	3	3
Сейчас люди помогают друг другу меньше	74	79	86	83	83	86	82

Различия между мировоззренческими группами по степени доверия к людям невелики, но все же заметно, что традиционные верующие относятся к людям несколько «снисходительнее» и «добрее», чем «средние русские», и значительно «добрее», чем можно было бы ожидать, исходя из их объективно крайне тяжелого и, можно сказать, беспросветного положения.

Такую же неожиданную картину представляют ответы на вопрос: «Гордитесь ли Вы своей работой?» (он задавался только работающим). Хотя традиционные верующие в основном работают на непрестижных и низко оплачиваемых работах, среди **НИХ** гордых работой — 33%, а среди всех опрошенных — 24%. И наоборот, среди относительно прилично зарабатывающих и чаще находящихся на престижных и руководящих должностях атеистов — только 22%.

Наконец, та же тенденция видна, на наш взгляд, и в распределении ответов на вопрос: «Счастливы ли Вы?» (см. таблицу 1.23).

Согласились с утверждением «Жизнь не имеет смысла» 12% традиционных верующих, 8% всех верующих, 4% колеблющихся, 8% не-

Счастливы ли Вы? (1999)

	Традиционные верующие	Все верующие	коле- блю- щие	Неверующие	Атеисты	Эклектики	Все опрошенные
Очень счастлив	6	7	4	4	2	7	5
Скорее счастлив	37	43	44	45	44	41	44
Скорее несчастен	42	38	42	37	45	45	39
Несчастен	10	9	4	8	8	3	7

верующих, 9% атеистов, 6% эклектиков и 7% всех опрошенных. Опять-таки на первом месте — традиционные верующие, но разрыв между ними и другими группами относительно невелик¹³.

Традиционные верующие ощущают себя несколько несчастней «средних русских», но значительно меньше, чем можно было бы ожидать, исходя из объективных характеристик их положения, — религия помогает им переносить тяготы жизни и спокойнее относиться к приближающейся смерти¹⁴.

3

ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

ПЕРСПЕКТИВЫ АТЕИЗМА И ПРАВОСЛАВИЯ

Мы убедились, что слова «религиозное возрождение в России» могут употребляться только в кавычках. Это возрождение имеет самый поверхностный и «идеологический» характер, не затрагивая более глубоких слоев сознания. Второй удар российского мировоззренческого «маятника» оказывается очень слабым, неизмеримо слабее первого удара — от православия к коммунистическому атеизму. Если первый удар, хотя и не дошел до той «отметки высоты», с которой «Маятник» начал свое движение, не привел к такому же тотальному господству единой народной коммунистической веры, каким было в

средние века господство православия, он все же породил множество реальных «верующих коммунистов», совершавших все грандиозные свершения и подвиги (и все преступления и жестокости) великой советской эпохи. Второй удар заметен лишь на относительно поверхностных «словесных» и «идеологических» уровнях. Реальных верующих в России до изумления мало, и они сосредоточены в маргинальных и уходящих, как в социальном, так и в прямом «биологическом» отношении, слоях. Возникает вопрос: что же будет дальше?

На «словесном» уровне религиозность, как мы видам, продолжает расти, хотя рано или поздно этот рост должен остановиться. Но может ли этот рост преобразоваться в рост реальной «традиционной» православной религиозности, который мог бы компенсировать естественную убыль старого традиционно религиозного населения?

Вопрос этот очень сложный, и нам ответить на него трудно. Мы даже не можем выяснить динамику традиционно религиозных, которых мы стали выделять и «отслеживать» только в 1996 году. Однако некоторые соображения мы все же можем высказать.

Когда смотришь на цифры, говорящие о возрастной структуре традиционных верующих, возникает ощущение, что эта группа должна очень скоро просто исчезнуть. Однако это ощущение в какой-то мере ложно, ибо традиционная религиозность может зависеть не только от поколения, от года рождения, но и просто от возраста, — она усиливается к старости, с приближением одиночества, болезней и смерти, и среди современных традиционных верующих, конечно, есть люди, бывшие в юности активными комсомольцами и комсомолками и о Боге вообще не думавшие. Может ли получиться, что когда современная молодежь станет завтрашними стариками, она пополнит ряды традиционных верующих, и в каком-нибудь 2040 году будет столько же традиционных верующих, сколько сейчас, и они тоже будут старыми людьми?

В какой-то мере такой процесс наверняка будет происходить. Тем более, что современная молодежь воспитывается в «прорелигиозной» обстановке, в обществе, дающем положительную санкцию религиозности (хотя преувеличивать это не следует — эта положительная санкция скорее относится к словесной и «умеренной» религиозности). Но действию этого возрастного фактора должны противостоять ряд мощных противоположно направленных факторов.

Традиционная религиозность, как мы видели, связана с такими социальными факторами, действие которых должно с годами ослабевать. Так, безусловно, будет уменьшаться число и удельный вес в

Киммо Каарияйнен, Дмитрий Фурман

населении жителей деревни и, несмотря на упадок старой советской общеобразовательной системы, лиц с неполным средним образованием. Но самым важным, на наш взгляд, является другое.

Мы уже видели, что традиционно религиозные люди в громадной мере — выходцы из деревень, носители не прерывающейся культурной и религиозной традиции, при которой вера передавалась почти с «молоком матери». Если всего среди опрошенных в 1999 году религиозное воспитание получили 16%, то среди традиционных верующих — 52%. Но еще более важно, что эти люди с детства имели некоторые базовые знания о православии и привычки. Поэтому даже если они не сохраняли религиозность всю жизнь, а возвращались к религии детства с приближением старости и смерти, они знали, куда возвращались — в привычный с детства мир. Между тем исчезает именно эта традиция передачи базовых знаний и привычек, религиозной социализации. В какой-то мере это видно по удельному весу в разных возрастных группах лиц, получивших религиозное воспитание (см. таблицу 1.24).

Таблица 1.24

**Удельный вес получивших религиозное воспитание
в разных возрастных группах (1999)**

	18-19 лет	20-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	Старше 60 лет
Получили религиозное воспитание	12	10	11	11	21	30
Не получили	89	85	86	88	75	65

При этом удельный вес лиц, получивших религиозное воспитание, с 1991 по 1999 год вообще не вырос (см. таблицу 1.25).

В основном «словесная» религиозность новых верующих не приводит к религиозному воспитанию их детей, ибо для такого воспитания надо не просто «верить в Бога», но и ходить в церковь и иметь какие-то базовые знания.

В этой ситуации для человека, которому сейчас, допустим, 20 лет и которого через 40 лет начнут охватывать мысли о смерти и религиозные чувства, превращение в прихожанина РПЦ будет, даже если

Таблица 1.25

Динамика удельного веса лиц, получивших религиозное воспитание

	1991	1993	1996	1999
Получили религиозное воспитание	18	18	18	16
Не получили	2	3	4	4

сохранится существующее сейчас общественное поощрение религиозности, значительно труднее и маловероятнее, чем превращение в прихожанку бывшей комсомолки и конформистской атеистки, с детства, однако, помнящей молитвы, церковные праздники и т. д.

Можно ли компенсировать этот естественный и неизбежный упадок религиозной традиции целенаправленными усилиями по религиозному воспитанию в школе? Такие усилия сейчас в России предпринимаются, но особой поддержки идея преподавания религии не имеет. Всего обязательное преподавание православия поддерживают только 13% (21% верующих), преподавание религии по выбору родителей — 10% (15%), преподавание «науки о религии» — 42% (40%) и против любого преподавания — 15% (11%).

Создается впечатление, что здесь проявляется поверхностность современного «проправославного» консенсуса. Кроме того, сохраняется некоторая (в основном передаваемая через художественную литературу) память об обязательных уроках «Закона Божия» в школах царской России, эффект которых был скорее негативный.

Таким образом, трудно представить себе в будущем не только рост настоящей «традиционной» религиозности, но даже и сохранение ее на современном небольшом уровне. Направления поверхностного и глубинного течений в массовом сознании России не совпадают. «На поверхности» происходит «религиозное возрождение». «В глубине» не только нет никакого религиозного возрождения, но напротив того — постепенно исчезает небольшая и маргинальная группа лиц, которых с какими-то минимальными основаниями можно отнести к «настоящим» православным верующим.

Но как нет оснований представлять в будущем реальный подъем православия, совершенно также трудно представить себе и новый подъем атеизма. Мы видели, что хотя падение удельного веса атеистов прекратилось, атеисты тоже старая и стареющая мировоззрен-

ческая группа, утратившая не только свои позиции, но и веру в себя.

Таким образом, оба действительно определенных и ярких исторических российских мировоззрения отходят в прошлое. И очень характерно, что отходит в прошлое и борьба между атеизмом и православием. Мы видели, как смягчилось отношение атеистов к православию, как готовы современные атеисты признать ценность религии. Но и православие сейчас видит своего главного врага не в атеизме, а скорее в других конкурирующих религиях и так называемых «тоталитарных сектах», борьба с которыми достигает трагикомических размеров.

Но если ни православие, ни атеизм, скорее всего, не могут быть мировоззрениями будущей России, то что же может?

ТОРЖЕСТВО НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Если не православие и не атеизм, то что? Может быть, это какие-то неправославные религии?

Страх современной РПЦ перед распространением неправославных религий, на наш взгляд, объясняется двумя причинами. Во-первых, социально-политические позиции РПЦ и соответственно все те материальные блага, которые она имеет, проистекают из-за наличия в русском массовом сознании связки «русский-православный». Поэтому распространение других религий, хотя бы просто до того уровня, когда понятия «баптист» или «адвентист» перестанут вызывать ассоциации с опасным сектантством и «русский-адвентист» станет восприниматься нормально, так же как и «русский-православный» (а это отнюдь не уровень большинства, это только уровень заметного и устойчивого меньшинства), подрывает эту связь и угрожает социальному положению церкви. Во-вторых, очевидно, неправославные религии распространяются в значительной мере в том же узком социальном слое, в котором существует и традиционное православие. Та же одинокая пенсионерка, которой «положено» быть православной прихожанкой, вполне может «попасть в сети» баптистов, адвентистов или свидетелей Иеговы, тот же увлеченный религиозными вопросами интеллигент (тип, в опросах практически не фиксируемый в силу его крайней немногочисленности, но все же существующий), может увлечься католицизмом. Слой «настоящих» верующих очень узок, и совершенно ничтожные цифры, характеризующие удельный вес приверженцев неправославных религий в масштабах всего обще-

Религиозность в России в 90-е годы

ства приобретают совсем иное значение, если рассматривать их с точки зрения этого слоя. Если «реальных» православных — менее 5% населения, то появление даже 1% «реальных» баптистов (а баптисты все — «реальные») означает для РПЦ потерю 20% потенциальных или действительных прихожан. В 1999 году на 1648 русских опрошенных нам «попались» 5 католиков, 7 протестантов, 2 свидетеля Иеговы, 1 адвентист седьмого дня и 1 буддист, т. е. 16 человек, что составляет менее 1%. В масштабах общества это ничтожно малая величина, однако, если сопоставлять число неправославных верующих с числом «традиционных» православных в той же выборке — 114 человек, 16 человек оказываются вполне «серьезной» цифрой.

Вполне возможно и даже вероятно, что удельный вес неправославных среди всех «настоящих» верующих будет расти. Но никакого массового обращения русских людей в неправославные религии не происходит и не предвидится, так же как не предвидится существенного (да и вообще никакого) роста «настоящей» православной религиозности. Если бы общество охватила действительные, серьезные религиозные поиски, если бы вообще происходил рост религиозности, то он неизбежно принял бы и православную, и неправославную форму. Реальное «православное возрождение» неизбежно сопровождал бы рост баптизма, католицизма и т. д. и наоборот. Но современное «религиозное возрождение» слишком поверхностно и хидеологично». То, что мы видим, — это не упадок двух исторических форм «серьезных» глубоких и целостных мировоззрений православия и атеизма-коммунизма, а упадок и постепенное исчезновение «серьезных» целостных мировоззрений вообще, «затухание» движения нашего «маятника». Вне зависимости от того, будет ли дальше увеличиваться удельный вес формальных «верующих», реально тот тип мировоззрения, которому может принадлежать будущее, — это уже сейчас охватывающий подавляющее большинство русских неопределенный тип мировоззрения, к которому мы можем причислить три очень мало различающиеся между собой мировоззренческие группы — «неверующих», «колеблющихся» и «верующих» (если исключить из этой, основанной на самоидентификации, группы «традиционных» верующих). Движение маятника замирает на естественной для останавливающегося маятника средней позиции.

Будущее (а в громадной мере уже и настоящее) российских мировоззрений, российского отношения к основным вопросам бытия — это будущее, при котором подавляющее большинство, практически

все, во что-то немножко вроде бы и верят, но вроде бы и не верят, торжество мировоззренческой неопределенности.

подавляющее большинство при этом просто живет, вообще не задумываясь серьезно над общемировоззренческими вопросами. Но всегда будет меньшинство, увлеченное ими, переживающее их и ищущее «смысл жизни», — наличие таких людей в конечном счете обусловлено, очевидно, не культурно и социально, а просто биологически. Как вообще какой-то минимальный интерес к «конечным вопросам бытия» имманентен любому человеку (как какое-то элементарное эстетическое чувство присуще всем, даже самым эстетически неразвитым людям, и как какие-то мораль и совесть есть и у самых аморальных и бессовестных), так и наличие религиозно-философски ориентированного меньшинства имманентно человеческому обществу. Куда же будут направлены такого рода поиски, куда будут устремляться такие люди?

В «закрытых» религиозных средневековых обществах такие люди устремлялись в «религиозные виртуозы», в глубокое личное переживание религии, — той религии, которая реально была, — прежде всего в монашество. Эти же люди становились еретиками и сектантами. Очевидно, среди ранних коммунистов, героев Андрея Платонова, также присутствовал этот человеческий тип. Но современное общество не имеет устойчивых определенных институциональных и мировоззренческих «каналов», по которым могла бы направиться активность таких людей. С другой стороны, оно предоставляет грандиозное число альтернативных каналов — неограниченное число религиозных, псевдорелигиозных, парарелигиозных течений на любой вкус, узнать о которых можно в массе книжек и брошюр, по телевидению и в Интернете. Лишь самое ничтожное число ищущих религиозно-мировоззренческих ориентиров и испытывающих потребность в вере людей сможет выбрать среди них то, что захватит их полностью и на всю жизнь. Большинство же так и будет всю жизнь искать, перебирая разные идеи и мировоззрения, переходя от чтения Бубера к «трансцендентальной медитации» и от «Добротолюбия» к шаманизму или, при более низком образовательном уровне, — от Кашперовского к Чумаку и от экстрасенса к колдуну и увлеченно создавая неустойчивые, чисто индивидуальные и эклектические комбинации.

На наш взгляд, этот «ищущий» тип людей, представителей нетрадиционной эклектической религиозности, можно в какой-то мере уловить и в наших опросах, хотя вычленить его в силу его специфи-

ческой неустойчивости и неопределенности крайне с/южно. Мы полагаем, что к нему принадлежат наши «эклетики», верящие в переселение душ и астрологию, что сочетается у большинства из них с некоторым «православием»¹⁵. Это — группа с довольно большим интересом к религии («важную» и «очень важную» роль религия играет в жизни 45% представителей этой группы, в то время как в населении в целом — у 36%), чаще, чем «средние русские», думающая о «смысле жизни» (54% и 45%)¹⁶ и значительно более терпимая, чем традиционные верующие. И одновременно это группе., как мы видели, — «социально перспективная» — значительно моложе и несколько образованнее «средних русских».

Эту картину будущего преобладания мировоззренческой неопределенности и эклектики можно назвать «торжеством энтропии», а можно и какими-то другими, более «оптимистическими» словами, например, «торжеством открытости». Мы не хотим вносить в наш анализ оценочный момент. Очевидно, в этом будущем (которое уже практически настоящее) разные люди могут найти и приятные, хорошие стороны (терпимость, открытость) и неприятные стороны (мировоззренческую «несерьезность», «легкомыслие», отсутствие глубины). Но, очевидно, главное в этом этапе развития России (который — и этап мирового развития, ибо упадок жестких и целостных мировоззренческих систем¹⁷ и распространение эклектического типа мировоззрения¹⁸ — явление, разумеется, не русское, а всемирное, хотя в России в силу специфической слабости обоих исторических мировоззрений — православия и атеизма-коммунизма — оно особенно заметно) — не его плохие или хорошие стороны. Это — как наступающий новый возраст человека. В нем можно найти приятные и неприятные стороны, можно радоваться, что ты уже не молод и не способен на те глупости, которые совершал молодым, и можно печалиться, что у тебя нет той энергии, какая была раньше. Но главное в возрасте — неизбежность.

¹ Анализ данных, лежащих в основе данного раздела (кроме данных последнего опроса 1999 года), содержится в работах: Kimmo Kaariainen. *Religion in Russia after the Collapse of Communism*. The Edwin Mellen Press. USA. 1998; Каариайнен К., Фурман Д. Е. Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. М., 1997. № 6.

¹ См.: Демьянов А. И. Религиозность: тенденции и особенности. Воронеж, 1984. С. 88.

³ Наш опрос 1991 года включал в себя вопрос: «Состоите ли Вы членом КПСС?» Среди членов КПСС 10% назвали себя верующими (всего среди опрошенных — 23%), 21% — колеблющимися (28%), 6% — неверующими (7%) и только 42% — атеистами (35%), 16% ответили: «Дай — на вопрос: верят ли они в Бога (среди всех опрошенных — 34%), и 11% — на вопрос о вере в переселение душ (17%).»

⁴ Данные опроса 1999 года, приводимые в первой и второй главах, относятся только к русской части опрошенных (анализ ответов татар будет рассмотрен в четвертой главе). В более ранних опросах, в отличие от опроса 1999 г., не русские составляли незначительное меньшинство опрошенных.

⁵ Природа этого консенсуса видна, на наш взгляд, и в выборе респондентами характеристик православия. Хорошие характеристики безоговорочно преобладают. Однако разные хорошие характеристики выбираются с разной частотой. Так, безоговорочно согласны с определением РПЦ как «миролюбивой» 57% (с противоположной характеристикой «воинственная» — только 1%), «человечной» — 47%, «близкой к людям» — 43%. Эпитеты же, связанные с активностью, устремлением в будущее, выбираются значительно реже. Характеристику «прогрессивная» безоговорочно выбрали 24% («реакционная» — 5%), «развивающаяся» — 23% («стагнирующая» — 6%), «политически активная» — 14% («политически пассивная» — 9%), «способствующая развитию культуры» — 17% («препятствующая развитию культуры» — 2%), «способствующая развитию демократии» — 17% («препятствующая» — 3%).

При сопоставлении колоссальных цифр, характеризующих хорошее отношение русских к православию, и относительно скромных цифр, характеризующих оценку его «прогрессивности» и активности, возникает естественный вопрос: относятся ли русские так хорошо к православию, *несмотря на то*, что имеют сомнения в его «прогрессивности», или, наоборот, *потому что* имеют такие сомнения, потому что активность, устремленность в будущее совсем не то, что им нужно от религии. На наш взгляд, «потому что» — ответ более правильный.

Это видно и в том, как оценивают респонденты желательность активности РПЦ в разных сферах. Так, 83% респондентов считают, что церковь должна высказываться по вопросам морали, 78% — по вопросам семейной жизни. Но по вопросам, например, борьбы с коррупцией — только 31% (и 49% считают, что не должна), по вопросам борьбы с национальными преследованиями — 43% (31% считают, что нет).

⁶ Иерархия доверия и недоверия к разным институтам, на наш взгляд, очень многое говорит о русском массовом сознании. Самое большое недоверие испытывают русские к самым демократическим институтам, состав и деятельность которых наиболее зависит от самого народа, — к Думе и партиям. Напротив, наибольшее доверие — к институтам, наименее зависимым от рядового человека, — к РПЦ и армии.

⁷ Русскому соавтору данного текста даже довелось слышать в выступлении одного российского философа поразительную фразу: «Я — сторонник православной цивилизации».

⁸ Было бы логично предполагать, что по мере ухода из атеистического «лагеря» конформистских элементов, понятие «атеист» должно становиться «идейно определенной», «чище», а понятие «верующий», напротив, должно становиться все

⁹ более неопределенным, все менее говорить о реальном содержании мировоззрения. Однако опрос 1999 года показал значительное распространение среди атеистов веры в переселение душ (10%), астрологию (41%) и магию (32%), что очень плохо вьезается с настоящим атеизмом. При этом несколько менее затронутой

Религиозность в России в 90-е годы

этими «верами» оказалась группа «неверующих» (соответствующие цифры — 9%, 32% и 21%). В предшествующих опросах этого не было. Объяснить, почему это так, мы не можем.

⁹ По данным опросов по программе World Values за 1990—1991 гг., не реже раза в месяц посещали церкви, храмы и мечети в Ирландии 87,4%, Польше — 85%, Индии — 70,6%, Северной Ирландии — 68%, США — 58,2%, Италии — 50,6%, Португалии — 47,5%, Австрии — 44%, Испании — 39,5%, Турции — 77,7%, Бельгии — 34,7%, Западной Германии — 32,9%. Нидерландах — 30,3%, Британии — 24,5%, Венгрии — 23%, Чехословакии — 20,5%, Восточной Германии — 20%, Франции — 16,8%, Норвегии — 12,6%, Финляндии — 10,5%, Дании — 10,8%, Швеции — 10,2%, Исландии — 9,4%, Болгарии — 9%. Россия с ее 6—7% идет сразу после Болгарии и находится на одном уровне с Белорусией. После России из 27 стран, где проводились опросы, идет только Латвия.

¹⁰ Возможно, в какой-то мере мы можем оценить влияние новой «перестроечной» и «постперестроечной» религиозности на разные возрастные группы, сравнив удельный вес верующих в них с удельным весом получивших религиозное воспитание (данные 1999 года).

	18-19 лет	20-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60 лет и старше	Все опрошенные
Верующие	22	34	37	38	41	52	40
Получившие религиозное воспитание	12	10	11	11	21	30	16
Верующие, не получившие религиозного воспитания	10	24	26	27	20	22	24

Мы видим, что наибольшая разница между удельным весом верующих и получивших религиозное воспитание — в возрастных группах 30—49 лет, т. е. среди тех людей, которым в 1988 году было 19—38 лет.

¹³ Традиционные верующие действительно «традиционный, в том смысле, что у них наименьшие различия их мировоззрения и мировоззрения их родителей. Так, сказали, что их религиозные взгляды те же, что и взгляды их родителей, — 82% традиционных верующих и 63% всех опрошенных. Про моральные взгляды то же сказали 84% и 74%. Традиционные верующие также являются группой, представители которой чаще всего причисляют своих родителей к той же мировоззренческой категории, с которой они идентифицируют себя. Так, верующей назвали мать 78% традиционных верующих и 75% верующих, в то время как колеблющейся назвали мать только 34% колеблющихся, неверующей — 43% неверующих и атеисткой — 19% атеистов.

¹² Создается впечатление, что с годами атеисты утрачивают свой оптимизм. Опросы предшествующих лет показывали значительно большие различия в психологии атеистов и других мировоззренческих групп. Вот, например, как отвечали в 1991 году представители разных мировоззренческих групп на вопрос, присущи ли им определенные чувства.

Киммо Кааринен, Дмитрий Фурман

Говорят, что им присущи чувства:	Все опрошенные	Верующие	Колеблущиеся	Неверующие	Атеисты
одиночества	23	29	25	24	20
скуки	34	43	34	31	32
тревоги	32	35	35	32	27
подавленности	26	33	28	26	24

«Счастливыми» и «очень счастливыми» назвали себя в 1991 году 50% атеистов, в 1999 году — 46%, «несчастливыми» и «очень несчастными» — 42% и 53%.

¹¹ Схожую картину дают и ответы на вопрос: «Довольны ли Вы жизнью?» Сказали, что 5 лет назад были полностью недовольны жизнью 8% традиционных верующих. Это больше, чем средняя цифра по выборке — 4%, но не намного больше. Полностью недовольны жизнью сейчас 24% традиционных верующих, 17% всех верующих, 12% колеблющихся, 16% неверующих и столько же атеистов, 18% «эклектиков» и 15% всех респондентов, полностью довольны соответственно 6%, 5%, 3%, 1%, 0%, 5% и 3%.

¹⁴ Среди традиционных верующих часто думают о смерти 48%, среди всех опрошенных — 20% (то, что традиционные верующие думают о смерти значительно чаще, чем представители других групп, совершенно естественно, хотя бы потому, что они значительно старше в среднем лиц с другими мировоззренческими ориентациями). При этом согласились с утверждением, что «жизнь и смерть имеют смысл только потому, что есть Бог» 72% традиционных верующих и 37% всех опрошенных. 93% традиционных верующих утверждают, что религия дает мир их душам (среди всех опрошенных — 40%). И картина их ответов на различные вопросы заставляет нас с ними согласиться.

¹⁵ 90% «эклектиков» считает себя православными (всего среди опрошенных — 82%), 81% верит в Бога, 72% — в магию (среди всех респондентов — 45%), 79% — в колдовство (49%).

¹⁶ Традиционные верующие думают о смысле жизни еще чаще — 61%, но у них размышления о смысле жизни неразрывно связаны с размышлениями о смерти, о которой часто думают 48% представителей этой старой по своему возрастному составу группы. В среднем значительно более молодые «эклектики» думают о смерти значительно реже — 19%.

¹⁷ Опросы, проводимые в рамках Всемирного исследования ценностей, показывают повсеместное отступление религии. Так, в 1991 году людей, считающих себя религиозными, было меньше, чем религиозно воспитанных, в Польше — на 6%, Ирландии — на 22%, Италии — на 12%, Германии — на 8%, Англии — на 6%, Индии — на 12%.

¹⁸ Цифры, говорящие о распространении веры в разные «парарелигиозные» доктрины в мире, колоссальны, и Россия здесь совершенно не исключение. Так, в 1991 году в США в переселение душ верили 21,2%, в Англии — 25,3%. В Исландии — аж 32,3%.